

УДК 81.367

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-26-33

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ И «СКАЗОЧНЫЙ» СИНТАКСИС РАССКАЗА С.А. ЕСЕНИНА «БОБЫЛЬ И ДРУЖОК»

Логачева Е.В.*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению синтаксических особенностей прозаического произведения С. Есенина «Бобыль и Дружок». Автор проводит анализ повествования с точки зрения содержания и строя предложений. Выявляются и прослеживаются параллели рассказа с произведениями русского фольклора. На основе сравнения автором доказывается структурное сходство рассматриваемого произведения с традициями построения русских народных сказок.

Ключевые слова: проза С.А. Есенина, «Бобыль и Дружок», синтаксические особенности, сказка, инверсия, повторы, однородные сказуемые.

FOLKLORE TRADITIONS AND THE “FAIRY” SYNTAX OF THE STORY “BOBYL AND DRUZHOK” BY S. YESENIN

E. Logacheva*Yesenin Ryazan State University
46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the review of the syntactic features of S. Yesenin's prose work “Bobyly and Druzhok”. The author analyzes the narrative from the point of view of the content and structure of the sentences and identifies and traces the parallels of the story with the works of Russian folklore. On the basis of comparison, the author proves the structural similarity of the work under consideration to the traditions of building Russian folk tales.

Key words: S. Yesenin, “Bobyly and Druzhok”, syntactic features, fairy tale, inversion, repetitions, homogeneous predicates.

Проза С.А. Есенина явилась органическим дополнением к его поэзии, неотъемлемой составной частью его творчества, в которой объединены эпическое и лирическое начало [3]. Произведений, относящихся к художественной прозе, у поэта немного; каждое по-своему оригинально, но объединяет их тема деревни. Объектом нашего анализа является произведение «Бобыль и Дружок».

«Бобыль и Дружок» – это «рассказ, посвященный сестре Катюше», который принадлежит периоду раннего творчества С. Есенина и датируется 1917-м годом. Это период творческих исканий, «пробования» себя в различных жанрах, переломный момент не только в общественно-политической жизни страны, но

и в сознании самого поэта. Есенин затрагивает острые социальные проблемы и делает попытку их решить различными языковыми способами.

Хотя жанр рассматриваемого нами произведения обозначен автором как рассказ, можно отметить, что реалистичен он сюжетно, однако затронутые в нём проблемы раскрываются приёмами, больше характерными для сказового и сказочного повествования.

Сказка – это «повествовательное, обычно народнопоэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [7]. Конечно, рассматривая произведение с данной точки зрения, с позиции содержания, вряд ли можно найти что-либо сказочное. Действие разворачивается в обычной деревне, и ничего волшебного мы не встречаем. Однако собака в рассказе наделена способностью думать, что выражено у Есенина через сравнительную конструкцию с союзом *словно*: *Прижимается он к Бобылю, заглядывает ласково ему в лицо и словно хочет вымолвить: «Никому мы с тобою не нужны, никто нас не пригреет, одни мы с тобою»* [4, с. 577]. Цветы на могиле умершего Бобыля «умеют» шептаться: *Зашептались на могиле цветочки, нашептали они чудную сказку о дружбе птичкам* [4, с. 579].

Сказка – один из основных жанров фольклора, с которым мы знакомимся в детстве. Важнейшая её функция – воспитательная, ведь русская сказка учит добру, альтруизму, бескорыстию, взаимопомощи.

Для многих сказок характерным является незамысловатый сюжет с небольшим количеством действующих лиц. О чём мы узнаём из анализируе-

мого рассказа? Старик, для которого в жизни единственной радостью была только собака Дружок, жил одиноко в хате на краю деревни. Коротал он свой век в голоде и холоде. Весна, от которой он ждал чуда, обострила его болячки, и он умер. Не перенёс разлуки с единственным другом и его верный пёс Дружок, смерть застала его на могиле Бобыля.

Рассматривая рассказ с лексической точки зрения, обратим внимание на имена героев. Бобыль – это старик. Однако бобыль – это имя нарицательное. По Ожегову, «бобыль – 1. Одинокий крестьянин-бедняк, обычно безземельный (устар.). 2. перен. Одинокий бессемейный человек (разг.). Жить бобылём» [7]. Скорее всего, у этого человека есть своё собственное имя, но за его бессемейную жизнь люди прозвали его Бобылём. А Дружок – кличка собаки, данная ему человеком, ласковое название слова *друг*.

Обращаясь к содержанию русских народных сказок, легко увидеть, что имена животных, а зачастую и людей имеют какую-либо социальную, умственную, физическую характеристику, являясь собирательным образом, обобщающим определённые черты, например: Иван-дурак, Василиса Премудрая, Сивка-Бурка, Кощей Бессмертный, Комар-Пискун, Одноглазка, Покати-горошек и др.

Традиционными структурными элементами сказок являются зачин, основное повествование и концовка. Один из самых распространённых зачинов – «жили-были», построенный на синонимическом повторе глаголов. Повествование рассказа С. Есенина начинается со слова *жил*. Жил – потому что один, без семьи. Затем лако-

нично, в нескольких фразах завязывается ситуация, развитие и разрешение которой последует в дальнейшем повествовании. Здесь прослеживаются прямые синтаксические и смысловые параллели с известными каждому с детства русскими сказками, которые, несомненно, были хорошо знакомы и поэту. Ср. у Есенина: *Жил на краю деревни старый Бобыль. Была у Бобыля своя хата и собака. Ходил он по миру, сбирал куски хлеба, так и кормился* [4, с. 577]. И в русских народных сказках: *Жили бабка с дедом. И были у них петух с курицей. Однажды бабка с дедом поссорились* («Золотой петушок»); *Жили-были дед да баба, была у них курочка Ряба; снесла под полом яичко – пестро, остро, костяно, мудрено!* («Курочка Ряба»); *Жил да был старик со старухой. У них была внучка Снегурушка* («Снегурушка и лиса») и др.

Говоря о концовке произведения, нельзя не обратить внимание на её песенно-фольклорную основу. Тут соединены и грустная песня, и плач, скорбь, тоска, боль, но также и радость. «Радость от того, что была такая дружба, о ней надо всем рассказать; пусть птички разнесут эту «чудную сказку» [8].

Для рассказа С. Есенина характерна простота разговорной речи в сочетании с народно-песенными, фольклорными оборотами. Так, встречаем мы здесь традиционные народные эпитеты-характеристики: *Заиграло красное солнышко, побежали ручьи-колокольчики* [4, с. 578].

Исследуя синтаксический строй произведения, отметим, что в нём так же, как и в сказках, преобладают простые по структуре, мало распространённые предложения. Часто они насыщены перечислениями: *Не сходит*

собака с могилы, не ест, тоскует [4, с. 579]; *Рвётся Дружок, мечется, на церковной паперти, завывает, от горя и голода на ногах шатается* [4, с. 578]; *Мёртвый Бобыль лежит на полатях* [4, с. 578]. Это обусловлено простотой сюжетной канвы, для изображения которой нет необходимости в наличии замысловатых, трудно воспринимаемых конструкций. Автор не нагромождает текст сложными синтаксическими моделями. Это служит облегчению чтения, достижению эффекта речи, произносимой в реальности. Главная задача автора – описать ситуацию, рассказать о событиях доступным языком: *Стаял снег. Обсушилась земля* [4, с. 578]; *Лежит он на полатях, слезть не может* [4, с. 578].

Утрачивая свою синтаксическую самостоятельность, простые предложения становятся частями сложного бессоюзного предложения, которые поясняют, дополняют друг друга, последовательно представляют события: *Настанет зима, подует сердитая вьюга, заметёт позёмка, надует большие сугробы* [4, с. 577]; *Шагает Бобыль с собакой, доплетётся до своей хаты, хата старая, нетоплена* [4, с. 577]; *Реже стали метели, зазвенела капель с крыши* [4, с. 578].

Среди сложных синтаксических конструкций можно отметить встречающиеся в тексте несколько раз сложносочинённые предложения с простыми непроизводными соединительными и противительными союзами: *Умер Бобыль никому не нужный, и никто по нём не заплакал* [4, с. 578]; *Пойдёт Бобыль по деревне, стучит под окнами, а Дружок стоит рядом, хвостом виляет* [4, с. 577]; *Скоро уж, видно, смерть моя, только помирать – оставлять тебя*

неохота [4, с. 578]. А также небольшое количество сложных предложений с разными видами связи: *Глянет Бобыль на Дружка, а тот стоит, дожидается, что скажет хозяин* [4, с. 577]; *Заболел Бобыль, не встаёт, не слезает, а Дружок от полатей не отходит, чует старик – смерть подходит, – чует, Дружка обнимает, – обнимает, сам горько плачет* [4, с. 578]. Собственно сложноподчинённая конструкция используется Есениным всего 1 раз, происходит это в момент, когда разорвалась прижизненная связь двух друзей: *Понял Дружок, что хозяин его умер* [4, с. 578].

Сказовая, сказочная манера повествования ярко проявляется в инверсии главных членов предложения. Приём инверсии – это основа, на которой построено всё произведение Есенина. Так, предложений с прямым порядком следования подлежащего и сказуемого всего несколько: *Под окошком ветла распустилася* [4, с. 578]; *Только реже старик выходил из хаты* [4, с. 578]; *Люди нам все чужие* [4, с. 578]; *Только годы Бобыля обманули, только слякоть весенняя старика подловила* [4, с. 578]. В последних двух примерах, несмотря на отсутствие инверсии главных членов предложения, песенность, плавность и мелодичность повествования достигается путём неправильного порядка других членов синтаксической конструкции (прямое дополнение в препозиции к глаголу, имя прилагательное, следующее за определяемым существительным). В остальном же весь текст целиком построен на инверсии подлежащего и сказуемого: *Была у Бобыля своя хата и собака* [4, с. 577]; *Устала плакать вьюга* [4, с. 578]; *Задумается Бобыль у ле-*

жанки, начнёт вспоминать прожитое [4, с. 577]; *Сидела кукушка, грустила, жалобно над могилой куковала...* [4, с. 579]. Ср. в сказках: *Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; Услышала лиса, что петух песенки распекает, захотелось петушком полакомиться* («Зимовье зверей»); *Вдруг прилетели вороны чёрные, носы железные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать* («Золотая гора»); *Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева* («Марья Моревна»).

Характерная особенность синтаксиса сказок (и есенинского произведения) – предикативные единицы, осложнённые однородными сказуемыми, что служит динамизму произведения, делает текст насыщеннее и многообразнее. В сказках такой приём позволяет расширить кругозор читателя, увеличить его лексический запас. Перечисления создают ощущение целостности и непрерывности: *Ходит Бобыль по сугробам, упирается палкой, пробирается от двора ко двору, и Дружок тут бежит рядом* [4, с. 577]; *Тают снега, убывают* [4, с. 578].

Повтор – наиболее распространённое художественное средство в устном народном творчестве. Лексический повтор – приём, усиливающий выразительность речи. Такие повторы помогают автору подчеркнуть, конкретизировать важное в тексте слово, понятие либо как бы замедлить действие, акцентируя внимание на результате. Повторением одинаковых слов достигается усиление характера всевозможных ощущений. Они же и ритмически организуют текст: *Слезет Бобыль через силу, – слезет, закашля-*

ется, загрустит, Дружку скажет... [4, с. 578]; ... Опустил Дружок голову, опустился, тихо вздрогнул... и умер Дружок на могиле [4, с. 579]; Ходит Дружок из угла в угол, – ходит, тоскует [4, с. 578]. Наряду с точным повторением слов встречаются и синонимические сочетания (... Кашель *грудь* задавил, поясница *болит-ломит*, и глаза уж совсем помутнели [4, с. 578]), и повторы однокоренных слов (*Расскажет* старик Дружку о своей жизни, *расскажет* о ней грустную сказку, *доскажет* и с болью молвит... [4, с. 577]; *Жили мы с тобой... всю жизнь прожили...* [4, с. 578]), и анафорические повторы (Только годы Бобыля обманули, только слякоть весенняя старика подловила [4, с. 578]). В русских сказках повторы играют значительную роль не только в ритмическом плане, но и в плане композиции. Приведём несколько примеров повторов из сказок: *Бродит он по тому лесу дремучему, непроездному, непроходному, и что дальше идёт, то дорога лучше становится...*; *Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному* («Аленький цветочек»); *Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается* («Гуси-лебеди»).

Наряду с лексическими повторами в рассказе С. Есенина присутствуют повторы синтаксические. Они выполняют различные функции в произведении: усиливают выразительность, выражают последовательность передачи информации, способствуют созданию ритма текста, оформляют завершённость мысли. Целые фразы построены по одинаковой модели: *Взглянет Бобыль своими грустными глазами, взглянет – ничего не скажет* [4, с. 577]; *Принесли мёртвого на клад-*

бище, принесли – в землю зарыли [4, с. 578]; *Сговорились, пришли – увидели, увидели – назад отшатнулись* [4, с. 578]; *Подойдёт Дружок, мертвеца обнюхает, – обнюхает, жалобно завывает* [4, с. 578]. Их применение придаёт речи особую гармоничность.

Формульный повтор также находит своё выражение в рассказе. Так, намерения Бобыля (*Запрягу я, Дружок, тебя в салазки, поедem мы с тобой к лесу, наберём там сучьев и палок, привезём, хату затопим, будем греться с тобой у лежанки* [4, с. 577]) выливаются в конкретные действия: *Запряжёт Бобыль Дружка в салазки, привезёт сучьев и палок, затопит лежанку, обнимет Дружка, приголубит* [4, с. 577].

Стоит также отметить особенность употребления обращений в рассказе Есенина. Диалоги как таковые здесь отсутствуют, что обусловлено минимумом действующих лиц, одним из которых является собака. Тем не менее, по ходу повествования старик несколько раз обращается к своему мохнатому другу, да и с людьми, к которым Бобыль ходит за подаванием, он тоже взаимодействует. Во всех отмеченных нами репликах присутствуют обращения. Они просты, лаконичны. Это распространённые интерпозитивные обращения, содержащие только имена героев: *Ты бы бросил, Бобыль, свою собаку...* [4, с. 577]; *Уж ты-то, Дружок, меня, старика, не покинь* [4, с. 577]; *Заживём мы, Дружок, с весною* [4, с. 578]; *На кого я, Дружок, тебя покину* [4, с. 578]. И хотя по форме выражения эти обращения просты, их интерпозитивное расположение является характерной приметой русских сказок (Ср.: *Что то такое у тебя, царь Бархат, за дрянь?* («Василиса Поповна»);

Купи мне, **батюшка**, пёрышко Финиста ясна сокола («Пёрышко Финиста ясна сокола»); – Куда, **Иван-царевич**, пошёл? – Да вот, **баушка**, достучать Елену Прекрасну («Царевна-лягушка»).

Примечателен видо-временной контекст рассказа. Произведение повествует о событиях прошлого, в связи с чем использование прошедшего времени глагола полностью оправдано. Но помимо этого широко использованы и 2 других временных плана: продуктивны формы настоящего (*Видит Бобыль – зима сходит, видит – с Дружком беседует...* [4, с. 578]; *Воет Дружок над могилой, воет, – лапами землю копает* [4, с. 578]; *Смотрит Дружок на могилу, смотрит, жалобно стонет* [4, с. 579]) и будущего простого времени глаголов (*Настанет зима, подует сердитая вьюга...* [4, с. 577]; *Скажет Бобыль Дружку с нежной лаской...* [4, с. 577]; *Задумается Бобыль у лежанки, начнёт вспоминать прошлое...* [4, с. 577]; *Взглянет Бобыль своими грустными глазами...* [4, с. 577]). Первые строки рассказа традиционным зачином отсылают нас в неопределённое прошлое, обозначенное глаголами прошедшего времени. Однако сразу же на смену им приходят формы настоящего и так называемого настоящего-будущего времени: *стучит, стоит, ждёт, виляет, пойдёт, скажут* и т. д. Глаголы настоящего времени вносят в рассказ вневременной оттенок, элемент обобщения. Этой же цели служат и глаголы совершенного вида, частично утрачивающие здесь значение

результативности. Формы будущего времени перенесены в план прошлого. По замечанию В.В. Виноградова, такой перенос выражает «значение повторяемости в прошлом каких-нибудь действий, представляемых в их осуществлении...» [2, с. 469]. Такое употребление встречается часто там, где «речь идёт о возможном или обычном» [2, с. 469]. Подобное соединение двух и более временных планов часто репрезентировано в сказочных текстах. Например: *Стоит в поле теремок. Бежит мимо мышка-норушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает* («Теремок»); *Легла [Лягушка] спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему...* («Царевна-лягушка»).

Таким образом, говоря о жанровой принадлежности рассматриваемого прозаического произведения С. Есенина, можно утверждать, что проникнутый лиризмом и гуманистическими идеями «рассказ», имеющий реалистичную сюжетную канву, построен на традициях фольклорных произведений и включает в себя широкий спектр сказочных элементов и форм, таких как: простой сюжет с минимумом действующих лиц, использование разговорной бытовой лексики, эпитетов; инверсию как главных, так и второстепенных членов предложения, лексические и синтаксические повторы, обращения в интерпозиции, традиционный для сказки в структурно-семантическом плане зачин, небольшое количество сложных союзных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борковский В.И. Синтаксис сказок: русско-белорусские параллели. М.: Наука, 1981. 235 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Воронова О.Е. Проза Сергея Есенина (жанры и стиль): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. 207 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2014. 719 с.
5. Ефимова Е.В. Семантические универсалии «время» и «вечность» в русских народных сказках // Современная филология: материалы Международной научной конференции. Уфа: Лето, 2011. С. 58-61.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984-1985.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 14.04.2017).
8. Радионова Л.М. Сценарий урока-исследования: «Бобыль и Дружок» С. Есенина – «грустная сказка» о жизни и «чудная сказка» о дружбе [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka> (дата обращения 10.10.2016).
9. Синтаксический стилистический повтор как средство изобразительности в художественном тексте [Электронный ресурс]. URL: <http://refeteka.ru/r-162982.html> (дата обращения 10.04.2017).
10. Хайрнурова Л.А. Традиционные средства изобразительности в русских волшебных сказках [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-sredstva-izobrazitelnosti-v-russkih-volshebnyh-skazkah> (дата обращения 11.10.2016).

REFERENCES

1. Borkovskii V.I. *Sintaksis skazok: russko-belorusskie paralleli* [The syntax of the fairy tales: Russian-Belarusian Parallels]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 235 p.
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical teaching about word)]. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
3. Voronova O.E. *Proza Sergeya Esenina (zhanry i stil')*: diss. ... kand. filol. nauk [The prose of Sergei Esenin (genre and style): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1985. 207 p.
4. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2014. 719 p.
5. Efimova E.V. Semantic universals of “time” and “eternity” in Russian folk tales. In: *Sovremennaya filologiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Modern Philology: materials of the International scientific conference]. Ufa, Leto Publ., 2011, pp. 58–61.
6. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: V 3 t.* [Russian folk tales by A. Afanasiev: in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985.
7. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of the Russian language [E-source]]. Available at: <http://slovarozhegova.ru/> (accessed 14.04.2017)
8. Radionova L.M. *Stsenarii uroka-issledovaniya: «Bobyľ i Druzhok» S. Esenina – «grustnaya skazka» o zhizni i «chudnaya skazka» o druzhbe*. [The script of the lesson-study: “Bobyľ and Druzhok” of Sergei Esenin – a “sad tale” of life and “a wonderful tale” about friendship [E-source]]. Available at: <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka> (accessed 10.10.2016)
9. *Sintaksicheskii stilisticheskii povtor kak sredstvo izobrazitel'nosti v khudozhestvennom tekste*. [Syntactic stylistic repetition as a means of visual expression in a literary text [E-source]]. Available at: <http://refeteka.ru/r-162982.html> (accessed 10.04.2017)

10. Khairnurova L.A. *Traditsionnye sredstva izobrazitel'nosti v russkikh volshebnykh skazkakh*. [Traditional means of depiction in Russian fairy tales [E-source]]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-sredstva-izobrazitel'nosti-v-russkih-volshebnykh-skazkakh> (accessed 11.10.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логачева Елена Владимировна – преподаватель кафедры латинского языка и русского языка Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина;
e-mail: logacheva81@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Logacheva – teacher at the Department of Latin and Russian language, Yesenin Ryazan State University;
e-mail: logacheva81@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Логачева Е.В. Фольклорные традиции и «сказочный» синтаксис рассказа С.А. Есенина «Бобыль и Дружок» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 26-33.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-26-33

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

E. Logacheva. Folklore traditions and the “fairy” syntax of the story “Bobyly and Druzhok” by S. Yesenin. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 26-33.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-26-33